

Содержание

Скитания

роман

Часть I

9

Часть II

130

Эпилог

254

Американские рассказы

Чарли

271

Золотые волосы

306

Сёмга

310

Лицо

315

Кэрол

320

Оно

324

Сморчок

329

Вечная женственность

332

Иное

337

Новое рождение

342

Кругляш, или Богиня трупов

349

Отражение

352

Здравствуйте, друзья!

360

Скитания

Часть I

1

Огромный авиалайнер, как закупоренное чудовище над облаками, прорывался к Нью-Йорку. Андрей Кругов оглядел салон: на миг его поразило какое-то как бы затаённое напряжение в кабине пилота. Но мысли были далеко. «Вот и конец, — подумал он. — Впереди новый мир. Иная жизнь. Только сам я в ней пока ещё прежний. Московский. И Лена. Но та жизнь отрезана».

Он поглядел на жену: «Мы ведь вроде ещё не старики; чего там, тридцать семь лет — ерунда... И на Марсе можно начать жить сначала, а тут как-никак земля, люди, Соединённые Штаты, серьёзная страна, всё привычное...»

В этот самый момент возле самого его уха раздался оглушительный хохот и кто-то резво, по-пороссячи, хлопнул его по спине.

— How are you? — неистово крикнул, глядя на него, огромный, толстый, седой человек в чёрном костюме. Он представился пастором из Аризоны. Его круглые голубые глаза стеклянно

смотрели на Андрея. Но рука его автоматически опять хлопнула Андрея по спине.

«Да что он, в самом деле! — возмутилась про себя Лена. — Прицепился... Ну и взгляд! Так только корова смотрит на математические формулы».

— How are you? — вновь рявкнул священник и, не дожидаясь ответа, побежал дальше по салону, похлопывая пассажиров по спинам.

Многие отвечали ему, быстро и не глядя на него:

— Thank's. I am fine.

Пастор почему-то всё время весело указывал на свои огромные наручные часы, тыча пальцем в циферблат, точно хвастаясь.

— Это он так выражает свою расположенность и гостеприимство, — на странном русском языке объяснила Андрею рядом сидящая дама. — Он догадался, что вы русские.

— А ты чего сидишь? — шепнула Лена Андрею. — Хлопнул бы тоже его по жирной спине... Ну да ладно, бог с ним...

...Самолёт внезапно пошёл на посадку, словно мифическая птица, опускающаяся на Луну. Удары, толчки, гул, грохот... А потом ещё взрыв аплодисментов. Нью-Йорк, XX век, 70-е годы! Приземление прошло на ура.

Андрея и Лену должны были отвезти в гостиницу — вкупе ещё с несколькими советскими эмигрантскими семьями, решившими переменить жизнь. Крошечный автобус трясся по бесконечному шоссе, унося во тьму и неизвестность. До самого Нью-Йорка было ещё видимо-невидимо.

«Вот мы и в Новом Свете, на другом полушарии, — подумал Андрей. — Ну и ладно, ничего особенного. Дома как дома. Маленькие, правда. Где же небоскрёбы?»

— Ну и как твои ощущения? — тихо спросил он у Лены.

— Я будто на Луне. Но это интересно, — ответила ему жена.

— Почему на Луне? Что здесь необычного? Дома, машины, люди...

— Тьма необычная. И воздух. Неужели ты не чувствуешь?

Минут через двадцать автобус остановился на улице в центре Манхэттена у тридцатизэтажной гостиницы мрачноватого вида. Впрочем, парадное светилось каким-то бешеным огнём. Надо было выгружаться. Было десять часов вечера по американскому времени.

Они вышли, пошатываясь. Вдруг из ржавых канализационных решёток в нескольких местах клубами повалил пар, как будто под землёй был не холод, а адская жара. В ту же минуту где-то совершенно в стороне (хотя в голове Лены всё это слилось в какой-то невообразимый хаос) раздался истошный, надрывающийся, но по-машинному, вой, словно вопила сама сталь, — то была полицейская машина. Грохот, лязг, вой, пар, крики на чужом языке...

— Ну и ну, — Лена заглянула в глаза Андрею.

— Это вам не тихая Вена, — поправила Лену эмигрантка из Киева. — Здесь динамика. Жизнь.

Быстро перетащили вещи в холл, к дверям лифта. Здесь эмигрантов ждали обычные формальности (проверка документов и прочее). Андрей успел выбежать за угол и ахнул: перед ним стоял стоэтажный Эмпайр-стейт-билдинг, он узнал его по фотографиям. «Странно, почему он не такой высокий, по впечатлению от фотографии он гораздо выше», — застыв, разочарованно сказал про себя Андрей. Разочарование в могуществе человека мелькнуло в душе Андрея. Но пора было возвращаться в гостиницу.

Лифт. Медленный подъём. Круглое лицо негритянки.

Комнату им выделили большую, попросторней, чем в Вене. Но грязноватую и неудобную. В углу — обшарпанный телевизор. Рядом — две кровати. Уголок ванны. Пустяки, жить можно. Лена и Андрей, смертельно уставшие от перелёта и двухчасовой тряски в автобусе, решили сразу лечь и выспаться. Лена прижалась к Андрею. Они уснули почти мгновенно.

— Почему здесь так много тараканов? — вдруг сказала Лена среди ночи.

Андрей пробормотал сквозь сон:

— Что? Тараканы? Какие тараканы? Спи.

Несколько раз за окном во тьме повторялся тот же полицейский вой, но их сознание было уже там, где не было никаких звуков.

Наутро было весело и шумно. В кафе, внизу бедной эмигрантской гостиницы, царил хаос — толкотня, горячие сосиски, кофе, куча эмигрантов. Английская речь, которую не разобрать. Было много «цветных». В общем, атмосфера в целом была довольно приятная.

Перед этим, пару часов назад, к ним в гостиницу заглянул некто Джим, сотрудник Толстовского фонда — довольно потёртый, худой человек. Он свободно говорил по-русски и, узнав, что Андрей и Лена Круговы остановились в номере 1002, позвонил им туда по внутреннему телефону.

— Я, — предупредил он, — должен отвезти вас в Толстовский фонд; я буду сопровождать вас, поскольку вы совсем не знаете города. Ваша семья единственная получила направление в Толстовский фонд.

...Андрей поехал один, без Лены. Ехали в длинном синем автобусе довольно хищной конструкции. Пришлось стоять: рабочий день, утро. Джим спросил:

— Кто вы?

Андрей ответил, что он вообще поэт и писатель-неконформист и что его стихи, эссе и небольшие рассказы распространялись в Москве путём самиздата. Джим ничего не ответил и долго молчал. Андрей объяснил ещё раз: всё, что он писал, — вне политики, это... ну как сказать... почти сюрреализм и официально это невозможно было

опубликовать, да он даже и не пытался. Считал это делом безнадёжным.

Джим задумался, а потом вдруг сказал:

— Поверьте, я очень хочу вам помочь... Но вы должны знать, что тут, в Нью-Йорке, если вы будете умирать, вам не подадут даже стакан воды. Удачи!

И он куда-то растворился, доведя, однако, Андрея до дверей Толстовского фонда...

В Толстовском фонде Андрея встретили сдержанными улыбками.

— Мы получили письмо из австрийского ПЕН-клуба. Они подтверждают, что вы писатель, — сказали ему.

— Да, они даже перевели кое-что, — упомянул Андрей. — Для австрийского журнала.

— Но мы не слышали о вас по «Свободе». И в наших газетах тоже, — сказал один из клерков фонда.

— Меня читали в Москве, — возразил Андрей.

— Хе-хе. Итак, первые шаги на свободе, молодой человек, — прохрипел из угла старикан совершенно непонятного вида. — Америка! Поздравляю. Вы смелый человек.

Сдержанно ему вручили небольшую сумму денег — на жизнь, и нужно было за это расписаться.

— Привыкайте, пожалуйста, — произнёс клерк. — А через неделю приходите и поговорим серьёзно. Сколько вам лет?

— Тридцать семь.

Через полчаса, отуманенный клерком и фондом, Андрей очутился в своей гостинице, в кафе. Лена уже ждала его там.

— Ну как?! — выдохнула она.

Андрей рассказал, а потом добавил, что какая-то приятная дама спросила его, православные ли они, и что он ответил, что естественно.

— Сейчас главное — искать друзей, — торопливо пробормотала Лена. — Они многое разъяснят. Ведь Ростовцев здесь уже три месяца. И Генрих Кегеян — с месяцок. Вот странно — увидеть здесь людей, которые оттуда, из той твоей жизни, да ещё друзей, которых столько лет знаем.

Андрей заметил:

— Надо ещё пройтись по адресам, которые дали в венском ПЕН-клубе...

Лена словно не слышала.

— Смотришь из окна и не поймёшь, где ты. На Марсе, что ли... — махнула она рукой.

После полудня они вышли из кафе.

Первое, что они увидели, очутившись на улице, была огромная седая женщина, которая среди прямолинейной толпы медленно шла, устремив неподвижный взгляд в помойный бак вышиной почти с неё. Справа, на другой стороне, онеподвижились две закутанные в какие-то полуодеяла фигуры.

Взгляд нищей почти парализовал Лену; глаза у неё были голубые и кожа белая, но взгляд — тяжёлый, настолько тяжёлый, словно весь помойный бак был заполнен золотом, а она медленно шла к нему, чтобы вобрать это золото в себя, съесть его. Такое впечатление сложилось у Лены. Но женщина подошла и с тем же тяжёлым взглядом стала рыться в каком-то гнилом тряпье, обедках

и пустых консервных банках. Во взгляде её появилось двуединство.

— Ну вот, надо ей подать, — шепнул Андрей.

Но Лена так оцепенела, что ей и в голову не пришло подать Христа ради, ибо старая женщина эта сама подавляла её своим чудовищным взглядом, и сказать ей слово было так же странно, как обратиться к персонажу произведений Брейгеля или Босха.

— Не обращай внимания, — заметил Андрей. — Она, может быть, не нищая, она просто ищет... Пойдём на Пятую авеню, видишь там храм?

— Это не храм, а банк, — ответила Лена. — Посмотри: видишь, написано. Он просто похож на храм.

И они двинулись в сторону банка. Мимо быстро проходили люди, как-то искусственно энергичные. Из-под ног у Лены возник дым: чёрно-серый, клубящийся, он охватил её снизу. Воя полицейских машин уже не было слышно.

Наконец они прошли мимо тех закутанных фигур, определить которые было вне всякой возможности.

— Да это сумасшедшие, — прошипел Андрей Лене. — Уже настоящие сумасшедшие. Не как та старуха. Я вижу по глазам — это уже клиника...

— Да, да, я помню, кто-то в Вене говорил, что сумасшедших, если это не богачи, не держат в Америке в больницах, потому что лечить дорого. Вот они и ходят сами по себе...

Одна закутанная фигура пошевелилась, но, казалось, её движение оторвано от всякого

существования. И, наряду с безумием, в глазах у неё Лена увидела безнадежность, но настолько мертвенную, что непонятно было, почему этот человек ещё живёт, хотя бы формально. В глазах другого была ненависть, ни к кому не обращённая, но вместе с тем огромная.

— Скорей, скорей. Мимо, — испугалась Лена и схватила Андрея за руку. — Туда.

Через десять минут они оказались на узкой улице, но витрины её ослепляли звёздами драгоценных камней, алмазов, бриллиантов, золота, светились, как луны, и всё это растянулось бесконечной дорогой в змеиный уходящий ряд, конца которого не было видно. Лена взглянула на табличку.

— Говорят, — сказала она, — это самая богатая улица в мире. Или одна из самых богатых. Здесь столько богатства, что можно, наверное, купить солнце.

— Короли всех времён нищие по сравнению с этим, — добавил Андрей.

И они свернули на другую дорогу. Там возвышалась церковь, католический храм.

— А вот, наконец, и церковь, — сказала Лена. — Но выглядит странно посреди небоскрёбов. Такая нелепая, её и не видать.

...Однако нельзя было забывать о запланированном на сегодня деле: заехать по адресу, который им дали в Вене (номер телефона был неизвестен), — может быть, там смогут чем-то помочь. А потом уже погулять где-нибудь, скажем, на Бродвее. К вечеру же их ждали в своей

гостинице старые друзья по Москве: художник и эссеист чёрного юмора Генрих Кегейн с женой Любочкой и поэт-неконформист Игорь Ростовцев.

Довольно уверенно они нырнули в подземную пасть сабвея. Но тут же ошеломились: в нос ударила невероятная вонь, словно им в лицо дохнуло гниющее, смрадное чудовище. А затем вонь как будто притихла, приелась, тем более что оглушил грохот, беготня, вид старых, потрёпанных вагончиков, исписанных бог знает чем, и опять какой-то непонятный вой. Людей было множество, разных: белых, чёрных, цветных, и все они куда-то неслись.

Влезли в вагон. Туда же вошли двое полицейских; они были так вооружены, что Лена испугалась. «Что такое, война, что ли, началась?» — пронеслось у неё в голове. Парни были увешаны радиоприборами, пистолетами, автоматами, дубинками и ножами. У Лены закружилась голова, она даже не видела никогда вместе столько оружия. Глаза полицейских были сосредоточены, как перед атакой. Лена посмотрела на лица людей — вроде бы спокойные, привычные, никто не удивляется. Но сама никак не могла преодолеть страх и тревогу. В мозгу стоял этот истошный вой сирен на улице. «Определённо, ощущение, будто началась война», — подумала она.

Вышли через три остановки; вроде бы всё спокойно, вдруг резкий свист, и потом движение, бег в какой-то далёкой стороне платформы. С облегчением выбрались на солнце. Сердце Лены билось, но в то же время не без наслаждения: остались живы.

Увы, адресата не оказалось дома: квартира была как мёртвая. Пришлось вернуться ни с чем, и скоро они оказались на Бродвее. Торговые рекламы прыгали, лезли друг на друга, вопили: «Покупайте, покупайте! Ешьте, ешьте! Пейте, пейте!» Среди толпы разгуливали какие-то странные, необыкновенно толстые, но болезненно, личности, которые еле передвигались, и глаз их почти не было видно. Лена захотела заглянуть одному такому в глаза, даже чуть нагнулась, чтоб посмотреть снизу, но ничего не увидела, кроме блеска пустоты. Два-три раза какие-то худые, субтильные молодчики цеплялись к ним, что-то прося на невообразимом английском языке. К повторяющемуся вою сирен Лена никак не могла привыкнуть.

Решили заглянуть в простую пиццерию, просто выпить соку. Цены были непомерно высокие для них. Но всё-таки уселись за маленьким столиком. То ли от невыносимой жары, то ли от грохота, то ли бог знает от чего, люди здесь были не в меру возбуждены и жадно ели и пили. Потные зелёные бумажки-доллары так и мелькали в воздухе.

— Money is honey! — прокричал им пожилой мужчина за соседним столиком и подмигнул.

«А они ведь очень простые, эти американцы, — подумал Андрей. — Но надо искать тех, к кому я приехал — интеллектуалов, профессоров, писателей... Первый этап — американский ПЕН-клуб. Хорошо, что у меня рекомендательное письмо из Вены. Завтра же — туда».

— Андрюша, — начала Лена. — Ну как, что ты скажешь? Мы не погибнем?

— Ну что ты. Какая ерунда. Мы же приехали сюда не на погибель.

— Как ты уверен... Но всё-таки как-то страшно из-за неизвестности.

— Надо быстро во всём разобраться, — ответил Андрей.

3

— Ну что, Ленка, признайся, не раз вспоминала «Город жёлтого дьявола» Максима Горького? А?! — смеялась Любочка Кегеян, когда все они сидели за столом в номере Кегеянов, в гостинице. Гостиница мало отличалась от той, в которую поместили Андрея и Лену.

Итак, все пятеро московских друзей были снова вместе в Нью-Йорке. Из окон комнаты — с двадцать пятого этажа — были видны громады небоскрёбов и маленькие фигурки людей на улице.

Любочка была небольшого роста, беленькая, с волосами цвета пшеницы, полненькая, но очень энергичная. Английским она владела в совершенстве. Генрих Кегеян, красивый, черноволосый, с грустновато-добрым лицом, лет за тридцать (Любочка была чуть помоложе), был известен в Москве не как художник, а как эссеист и мастер чёрного юмора. Лена была в чём-то неуловимом — помимо различий — похожа на Любочку. Казалось бы, всё было разное: и волосы у неё были чуть-чуть потемнее, ближе к каштановым, и рост повыше, и сама она была не так чтоб уж полная

(а, как говорится, средняя). Подругами они были с давних пор, ещё до своих вторых замужеств (за Генрихом и Андреем). Андрей же имел довольно обычный вид русского интеллигента.

А Игорь Ростовцев — поэт-неконформист с резко авангардным уклоном, которого, как говорили, благословил перед смертью сам Пастернак, — был самый старший из них. Ему было уже за сорок, он был одинок, сед (где-то в Ленинграде у него был взрослый сын от неудачного брака) и с общим выражением лица не в меру возвышенным. Все они принадлежали к так называемым неконформистским кругам писателей, поэтов и художников, которые начинали в конце пятидесятых или в начале шестидесятых. Не публиковались, не выставлялись официально. Некоторые из них боролись — или не боролись — за свободу творчества, но в политике участия не принимали и были так же далеки от политического диссидентства, как Иероним Босх от китайского либерализма. Небольшое число людей такого плана уже даже были относительно известны на Западе, но большинство, как и наши герои, ещё нет — выехали в основном в Израиль, Нью-Йорк или Париж в потоке «третьей эмиграции», образуя свой островок «диссидентов от искусства». Это означало, что эти люди — по причине характера или формы их творчества — не могли в то время быть признаны в официальном искусстве (таких было много в Москве и в Ленинграде в 60-х годах, но только некоторая часть их решилась на отъезд, что позволялось тогда для них). Среди них были

очень разные люди, но некоторые были объединены узами ещё прежней московской и ленинградской дружбы. Политические же диссиденты — независимо от того, были они людьми творчества или нет, — образовывали совсем другую группу.

Остальные же — подавляющая масса третьих эмигрантов — были обычными гражданами, выехавшими, как официально говорилось, «для воссоединения семей». Большинство их выехало в Израиль, но многие попали и в Америку, в которой к тому времени ещё продолжали существовать пласты старых потоков эмигрантов — от так называемых первых, уехавших в начале XX века или после революций, до вторых, попавших сюда после Второй мировой войны. Некоторые из этих людей жили и в Европе, во Франции например.

— Нет, здесь жить можно, — продолжала Любочка, отхлебнув винца. — Меня, например, уже берут на работу, всего три месяца поискала и уже нашла. Отличное рекламное агентство. Не зря кончала, как и ты, Игорь, иняз.

Игорь Ростовцев посмотрел на неё снисходительно, даже не понимая, на что она намекает.

— Наверное, как всегда в интеллигентской эмиграции, — бесцеремонно объяснилась Люба, — жёнам придётся тянуть мужей. А они должны найти творческий выход. А потом всё станет на места. Возможности здесь, слава богу, есть.

— Меня некому тянуть, — усмехнулся Ростовцев. — Я один, как смерть, и однажды уже бродил по Гарлему. Правда, днём.

— И как? — расширила глаза Лена.

— Да только заглянул на минутку. Правда, один парень тут же подошёл и сказал: «Пиджак у тебя хороший». Я и говорю ему: «Нравится? Хочешь, подарю?» Он подумал и говорит: «В другой раз». Только и всего. А ещё болтают: «Гарлем, грабители, убийцы». Не зарезали, видите.

— Тогда за Америку! — вскричала Люба. — Раз не зарезали.

Выпили.

А Генрих Кегейн вспомнил другое: свои первые дни в Вене. И одно ощущение, которое всё время возвращалось ему в память — но, слава богу, только в память, а не во всё существо. На второй день после приезда он вышел один на улицу — купить сигареты — и вдруг почувствовал, что... попал в какой-то искусственный мир и всё, что он видит, — страшные в своей отдалённости дома, люди, не говорящие по-русски, — нереально, как сон, превратившийся в явь. На мгновение он даже почувствовал, что его сознание не может воспринимать увиденное и он сходит с ума. Он тут же вернулся в свой номер и, только взглянув на жену, почувствовал, что возвращается в норму. Этот странный взрыв «сумасшествия» повторился потом ещё раз — и не больше. Но тайное чувство «чуждости» всего окружающего — осталось. С этим скрытым чувством можно было жить; с тем жить было невозможно, дорога была только на тот свет. Он усмехнулся: он знал, что пронесло и он остался жить.

— Что смеёшься, Генрих? — улыбнулся Андрей. — Поди уже чувствуешь себя нобелевским лауреатом?

Все захохотали.

— Смех смехом, а нам надо организоваться, — заявил Генрих. — Мы ведь ждали тебя, Андрей, и фактически ничего не делали.

— Как не делали? — удивился Ростовцев. — Я разослал свои стихи во все русские журналы, издания и газеты, а также еврейские и американские. И не получил ни одного ответа. А, хотя нет, вру. Один редактор написал, что не понял моих стихов.

— Если бы стихи послал Пастернак или Заболоцкий, был бы тот же ответ. Этот мир мёртв для поэзии, — отрезал Генрих. — Нам надо искать другие пути.

— А как же Павел? Как у него дела?

Павел Сметов был один из лучших неконформистских поэтов в Москве. Он приехал в Нью-Йорк два месяца назад, за два дня до своего дня рождения: ему исполнилось 28 лет.

— Знаешь, что сказал ему этот знаменитый славист? Как его... Завкафедрой в Колумбийском университете... Он сказал: «Молодой человек, зачем вы сюда приехали с такими прекрасными стихами? Немедленно возвращайтесь обратно».

И Генрих улыбнулся.

— Возвращайтесь? — взвинтилась Лена. — Этот славист, что, идиот? Куда возвращайтесь? На Луну? Неужели он не знал, что Павла и всех вас на пушечный выстрел не подпускали к московским издательствам? Как будто для кого-то секрет, что сюрреализм запрещён в СССР.

— Лена, побереги нервы. Что с него взять...

— М-да... И куда же Павел подался?

— Пишет для «Русского слова», — произнёс Генрих. — Снимает квартиру. Он не сможет сегодня прийти: встреча у него с важным американцем. Ну, заочно он, конечно, с нами... Андрей, наше общее заключение такое: лучший путь — создать свою собственную творческую организацию, написать манифест, биографии, перевести на английский и разослать по всем американским издательствам. Может быть, помогут. Поодиночке нам не пробиться. Мы же не сидели в тюрьме в Союзе. Конечно, каждый может пробивать свои вещи в американских и русских издательствах индивидуально, но без общих усилий нам не обойтись. А тебя здесь уже немного знают, Андрей. Павел говорил мне.

— Каждому надо отдельно подготовить манифест, предложения, идеи. И соберёмся уже вместе с Павлом. Создайте общую программу. Я или Генрих переведём, — вставила Люба.

— Андрей, есть соображения, как назвать нашу группу? — спросил Ростовцев Игорь.

— Конечно, есть. «Независимые». Группа независимых. Нужно показать, что мы имеем собственное лицо и ни от кого не зависим. Особенно политически.

— Достойное название, — кивнул Ростовцев. — Пастернак бы одобрил. Да и Лёня Губанов тоже.

Все помолчали.

— Как-то он, Лёничка наш, сейчас там, в Москве? — вздохнула Лена. — Всё-таки, что ни говори, во многом можно сомневаться, но он-то поэт Божьей милостью... Лишь бы не погиб, как Есенин.

— Нам надо сейчас забыть о поэзии, Ленка, — вставил Генрих. — Всю свою жизнь я прожил в Москве и больше всего на свете любил стихи. Я и сам поэт. Но мы попали в другой мир. Это же Марс, чёрт возьми. Не нам навязывать ему свои законы. Русская поэзия? Да кому она здесь нужна! Здесь на свою-то смотрят как на хобби для умалишённых...

— Художникам здесь, конечно, полегче, — заметила Люба. — И прозаикам. Ты, Андрей, всё же в основном прозаик. Тебе будет легче. Ну а другим надо что-то искать. Особенно хорошо здесь идёт документальная проза. Отчёт о собственном опыте. И политика, конечно, больше всего, но это не наше дело. А связи у нас некоторые есть...

— За встречу в ПЕН-клубе!!

— За нас!!

Все улыбнулись, выпили, и всем показалось, что они в Москве.

— А я не буду ничего искать, — вставил Ростовцев. — Извините, но я поэт. И больше ничего делать не буду. Даже документальную прозу.

— Разумеется. Надо сохранить себя и в то же время умудриться войти в мир, в печать, — вздохнул Андрей. — Для чего же мы тогда приехали? Писать в стол можно было бы и там. Надо разобраться во всех возможностях. Но при этом не терять себя.

— А мы с Генрихом, слава богу, скоро потеряем эту мерзкую конуру, — сказала Любочка. — Толстовский фонд обещал помочь снять квартиру, если я устроюсь на работу.

— Ну почему же она такая уж мерзкая? — удивилась Лена. — По-моему, мило, уютно.

— Да отель мерзкий; в номере ещё ничего, жить можно. Это ведь отель для бедных. Точнее, пристанище для них, — произнёс Генрих.

— Ну хватит, Генрих, не напускай мраку, — вставила Любочка. — Выпьем за жизнь!

— За жизнь! — подхватили все.

— А как Миша Замарин? — вдруг с какой-то тоской воскликнул Андрей. — Господи, как я мог забыть о нём!

— Ну, знаешь, этот хоть и художник, но к нашей компании не относится, — ответил Генрих. — Вообще, вот уж странный мужик. Ещё в Москве был такой. Он уже год здесь, и знаешь, вот кто уж действительно изменился тут, так это он: ещё более кошмарный стал. Одичал. С семьёй недавно разошёлся. Ира с ребёнком живёт отдельно. Работает в библиотеке. А он... Чёрт его знает, что он делает.

— Да, мы слышали, что у них произошёл разрыв. Ну и ну. А ведь там были не разлей вода... Я ведь знала Иру немного, — задумчиво произнесла Лена.

— Ничего, мы здесь пробьёмся. Увидим мир. И всё будет в порядке! — скрепил Андрей. Остальные поддержали.

Разошлись уже поздно ночью.

4

Следующие дни прошли для Андрея и Лены как в тихой лихорадке, прерываемой неожиданными и выводящими за предел существования впечатлениями. Было тревожно, иногда страшно за будущее, а потом страх прятался и ликовала, как

младенческое небо, надежда. Всё — от еды до диких кафе с гомосексуалистами — удивляло и озадачивало. Хотя теоретически они многое знали, но на самом деле даже то, что знали, было другое.

Заглянув — между делом — в Толстовский фонд, Андрей обрадовался, когда ему вручили письмо от довольно известного американского слависта. Выйдя на авеню — скамеек почему-то нигде не было, — Андрей прислонился к красной стене дома и прочёл:

Дорогой господин Кругов!

Отвечаю Вам на адрес Толстовского фонда, который Вы указали в своём письме из Вены. Надеюсь, что Вы уже в Нью-Йорке.

Всё, что я слышал о Вашем творчестве, несомненно, интересно. Хотя у меня сложилось впечатление, что оно довольно элитарно. Но воспоминания о самиздатском подполье в СССР наверняка привлекут внимание американских издателей — советую Вам начать с этого, тогда будет легче опубликовать Ваши рассказы и эссе. Без политики в Америке не выжить.

А теперь о работе. В США, как Вы знаете, практически нет социального страхования. Уровень преступности чрезвычайно высок, постоянно имеют место социальные конфликты, особенно в крупных городах. Безработица растёт, найти работу очень и очень непросто.

Вы как филолог и писатель можете искать места в университете. Но судите сами: у нас недавно на освободившееся место было подано

более двухсот заявлений и половина из них — от безработных профессоров. Но у Вас есть шанс устроиться в качестве native speaker (носителя языка), потому что Вы гражданин СССР и являетесь носителем русской культуры. И если Вам удастся устроиться в подобном месте (на что я искренне надеюсь), то советую работать спокойно, тихо, ни под каким видом не критикуя никого и ничего. В противном случае Вы сразу лишитесь места.

Помните, у нас свобода, в том числе и свобода умереть. Официально Вы имеете, конечно, право высказывать любое мнение, но всегда учитывайте, что далеко не всем это нравится, особенно это касается высоких инстанций. Вы, возможно, вновь усомнитесь в моих словах, но я могу привести Вам массу примеров историй весьма и весьма печальных.

Высылаю список лиц и издательств, куда Вы могли бы обратиться. Надеюсь, что моя искренность пойдёт Вам на пользу.

С уважением,
Профессор ДЖ.

Письмом этим Андрей в целом остался недоволен — оно оставило какой-то неприятный осадок в душе. «Чёрт возьми, не успели приехать, а уже пугают. Ну, хоть список пригодится», — подумал он, пряча письмо в карман.

Маленький негритёнок оглушил его своим криком. Все спешили, бежали — в магазины, в кафе, в порнографические кинотеатры, неизвестно куда.

Реклама редела: «Наслаждайся, наслаждайся, наслаждайся!» Но не предлагала ничего, кроме сигарет. Впрочем, по пути ему всё время совали в руки какие-то маленькие бумажки с приглашениями за умеренную плату отдохнуть в объятиях неких дам, силуэты которых виднелись на билетиках...

Клубок дней для Андрея с Леной путался и мелькал, как огни реклам, разожжённых воем сирен. Встречи в эмигрантских офисах (по поводу трудоустройства), бесконечные анкеты, вопросы, списки... Сталкиваясь с обычными эмигрантами, Андрей видел, что и простую работу надо искать так же напористо, выдерживая конкуренцию, как будто речь шла о вакансии в Академии наук.

Удивил его и Павел. Он встретился со своим когда-то беспечным московским другом в полупустынном и пыльном пивном баре. Втроём — включая Лену — они сидели за стойкой, и только они, кажется, во всём баре разговаривали, остальные молчали, каждый за своим пивом.

Павел похудел, загорел и выглядел — в отличие от Генриха и Игоря — уже не по-московски, хотя и торчал здесь, в Америке, не дольше, чем они.

— С поэзией надо завязывать, — сказал он Андрею. — Хорошо, что ты в Москве писал не только стихи, но и прозу. Тебе легче будет. Но я всё-таки пробью свою книгу стихов в «Ардис» — есть такое маленькое американское издательство для русских.

— Что это за мир, из которого ушла поэзия? — удивилась Лена. — Ушло священнодействие...

— А здесь даже русские не читают стихов. Даже они здесь меняются, — холодно заметил